

Максим Лаврентьев
поэт (Россия)

Стихи о ненастоящем времени

Из книги «На польско-китайской границе»

1.

Хотелось нам, судьбу опередив,
За столиком в полуденной Гаване
Расслабленно тянуть аперитив,
А может быть, податься на Гавайи.

Но мы чужими будем в Боготе,
Не ждут нас в Катманду и Касабланке.
Все оттого, что мы с тобой не те,
Обиженные, злые, как собаки.

Поедем-ка на Северный Кавказ,
И где-нибудь в окрестностях Майкопа
По миру иллюзорному хоть раз
Ударим из реального окопа.

Иначе остается Эрмитаж,
Кунсткамера, стеклянный шар над Невским,
И эта жизнь, всегда одна и та ж,
Где кроме Бога больше выпить не с кем.

2.

В парках гуляли, ходили по булочным,
Были с эпохой единым и целым.
Все нам казалось привычным и будничным,
А оказалось особенно ценным.

Бедные рыцари вечного поиска,
Что мы искали тогда, подскажите?
Есть ощущение ушедшего поезда
В каждом отставшем его пассажире.

Я покупаю билет в обе стороны.
Толпы народа, баулы, канистры...
Может быть, все провода обесточены,
Может быть, все поезда арестованы
Где-то на польско-китайской границе?

Нужное для тренировки характера,
Для собирания справок по теме,
Время страшнее любого карателя
В случае даже частичной потери.

3.

К давности стали зорки.
Снов составляем опись.
О пионерской зорьке
Грезим, шагая в офис.

Менеджеры из фирмы
По распродаже раши,
Старые смотрим фильмы,
Те, что смотрели раньше.

А между тем дебилы
Пламя добыли треньем,
Родину-мать добились
Аж в девяносто третьем.

Вот ведь какая жертва!
Как мы осиротели!
Время тикать из Ржева
К Альфе Кассиопеи.

Здесь нам укрыться негде:
В книжке и на билборде
Пляшут в горящей нефти
Рейтинговые боги.

4.

Тот, кто уродился косолапым
Или даже умственно отсталым,
Все равно мечтал быть космонавтом,
С фирменным гагаринским оскалом.

Помню одного такого хлопца —
 Были мы соседями по даче.
 Он канючил: «На Венеру хочца».
 Я его послал куда подальше.

На Венеру — разве это дерзко?
 Долететь хотя бы до Арктура...
 С моего «космического» детства
 До сих пор я жду вестей оттуда.

Если бы не шмотки да манатки,
 Стало бы тоскливо от обиды —
 Все мы космонавты, космонавтки,
 Так и не достигшие орбиты.

5.

Поторопились — вот и опоздали.
 Торчим здесь у покинутых редутов.

Уйдем, покуда в нас не опознали
 Последних романтических придурков.

И наплевать, что по большому счету
 Надежнее быть Флакком, чем Назоном, —
 Все сорвалось, все полетело к черту.
 Уже сырым пахнуло черноземом.

Давай-ка, брат, помолимся поп-арту.
 Никто ведь не мешает нам продаться.
 Всегда возможно, побродив по парку,
 Повеситься — и как бы оправдаться.

А мы когда-то думали о бегстве,
 Воображали пристани, перроны...
 Но никуда не денешься от бедствий
 И от своей, в конце концов, природы.

2008—2010



Зиновьев А.А. Последние наброски (цикл эскизов). Картон, карандаш, масло. Январь 2006